

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра международных отношений
и внешней политики России

Академический обмен в российско-китайских отношениях

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 441 группы
направления 41.03.05 «Международные отношения»
Института истории и международных отношений
Болдыревой Екатерины Юрьевны

Научный руководитель
Профессор, кандидат исторических наук

дата, подпись

В.Г. Цыплин

Заведующий кафедрой
Профессор, доктор исторических наук

дата, подпись

Ю.Г. Голуб

Саратов 2026

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования. Ресурсы внешнеполитического влияния государства представляют собой значимую сферу для обсуждений в научном сообществе. Они со временем видоизменяются, следовательно, научная актуальность напрямую связана с их теоретическим осмыслением в современных реалиях. Одним из ресурсов внешнеполитического влияния является «мягкая сила». Ее политическая ценность играет важную роль на международной арене, так как она нацелена на долгосрочную перспективу взаимодействия между государствами. Одним из инструментов «мягкой силы» является академический обмен. Он представляет собой весьма эффективный канал международного гуманитарного сотрудничества, поэтому требует комплексного анализа для оценки его возможностей и ограничений в достижении геополитических целей. Страны по-разному могут реализовывать свой потенциал в сфере академических обменов. Одни государства масштабно финансируют эти процессы, другие сфокусированы на иных сферах. Отношения России и Китая в нынешних реалиях играют важную роль в формировании нового миропорядка. Из чего следует, что их взаимодействию нужно уделять больше внимания. У стран установлено стратегическое партнерство, отсюда роль гуманитарного сотрудничества возрастает. Китай занимает важные позиции во внешней политике РФ, потому что на фоне повышенного напряжения в отношениях со странами Запада идет переориентация России на Восток. У Пекина и Москвы подписано множество документов о сотрудничестве, в том числе соглашения о сотрудничестве в сфере образования. Статистика роста числа студентов в обеих странах свидетельствует о том, что академический обмен превращается из вспомогательного элемента в один из ключевых инструментов «мягкой силы». Вследствие этого требуется многосторонне изучать механизм и перспективу его использования в рамках стратегического партнерства России и Китая.

Степень изученности темы. Тема гуманитарной и культурной дипломатии России и Китая исследовалась множеством ученых как отечественных, так и зарубежных.

В отечественной историографии тему активно изучали А.В. Торкунов¹, М.М. Лебедева², И.Е. Бражникова³, Д.М. Ковба и Е.Г. Грибовод⁴, О.В. Зиневич и Н.В. Селезнева⁵, М.Ю. Захаров, И.Е. Старовойтова и А.В. Шишкова⁶, А.В. Борисова⁷, Н.Н. Федотова⁸, Рагимова А.Ф.⁹, Ч.Ф. Габидуллина¹⁰, Е.М. Алексеева¹¹ и М.Б. Видревич¹², затрагивая самые разные аспекты от теоретического осмысления мягкой силы и культурного сотрудничества до отдельных элементов западных, китайских и российских программ обмена.

Общей базой для исследования академического обмена как ресурса внешнеполитического влияния послужили работы отечественных и зарубежных ученых-исследователей. Важно отметить основополагающую

¹ Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО–Университета. – 2012. – № 4 (25). – С. 85–93.

² Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. – 2017. – №3 (54). – С. 212–223.

³ Бражникова И.Е. Политика «мягкой силы». Соотношение понятий «жесткая и мягкая сила» // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 3–5 (71). – С. 167–170.

⁴ Ковба Д. М., Грибовод Е. Г. Международная академическая мобильность сквозь призму теории «мягкой силы» // Образование и наука. – 2019. – №10. – С. 9–27.

⁵ Зиневич О. В., Селезнева Н. В. Новая стратегия «мягкой силы» Китая // Вестник МГИМО. – 2022. – №6. – С. 36–54.

⁶ Захаров М. Ю., Старовойтова И. Е., Шишкова А. В. Управление академической мобильностью как инструментом «мягкой силы» в современном Китае // Вестник ГУУ. – 2023. – №2. – С. 166–172.

⁷ Борисов А. В. «Мягкая сила» России: специфика понимания и оценки // Мировая политика. – 2020. – №1. – С. 2–10.

⁸ Федотова Н. Н. Мягкая сила России: вызовы и перспективы // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». – 2022. – №2. – С. 10–17.

⁹ Рагимова А. Ф. Опыт гуманитарного сотрудничества между КНР и РФ в сфере образования в 2000–2024 годы // Клио. – 2025. – №10 (226). – С. 222–226.

¹⁰ Габидуллина Ч. Ф. Сотрудничество в образовательной сфере России и Китая: перспективы развития // Общество и государство. – 2024. – №3 (47). – С. 6–10.

¹¹ Алексеева Е.М. Тарасенко А.В. Сурпкелова А. Студенческие обмены как инструмент «мягкой силы» на примере программы обучения «Эразмус+» // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – №9 (99). – С. 43–51.

¹² Видревич М. Б. Первухина И. В. Совершенствование практики преподавания в системе высшего образования России: основные результаты проекта Эразмус+ ENTER // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – №6 (132). – С. 1–6.

работу американского политолога Джозефа Ная, который ввел в научный оборот термин «мягкая сила». В книгах от 1990 г. «Bound to Lead» и 2004 г. «Soft Power: The Means to Success in World Politics»¹³ Дж. Най заложил базовые принципы понимания этого явления и выделил его ключевые ресурсы. Особую роль в исследовании играют труды А. Грамши о культурной гегемонии¹⁴, которые сопоставляются с концепцией Дж. Ная. Это позволяет рассмотреть внутренний механизм формирования привлекательности государства.

Несмотря на большое количество работ в этой области, анализ академического обмена остается актуальным в связи со стратегическим взаимодействием РФ и КНР, в особенности после значительной переориентации России на Восток в 2022 г. Всё ещё комплексный анализ академического обмена между странами не был проведен.

Объектом исследования является академический обмен как инструмент внешнеполитического влияния государства. **Предметом** – академический обмен как ресурс и инструмент в российско-китайских отношениях.

Изучив литературу по теме работы, можно определить цели и задачи исследования. **Целью** является анализ академического обмена в российско-китайских отношениях. Исходя из поставленной цели, определен ряд **задач**:

1. Проанализировать концепцию «мягкой силы»;
2. Изучить теоретические основы академического обмена;
3. Рассмотреть исторические примеры использования академического обмена;

¹³ Joseph S. Nye Jr., Soft Power the Means to Success in World Politics // Academia. URL: https://www.academia.edu/28699788/Soft_Power_the_Means_to_Success_in_World_Politics_Joseph_S_Nye_Jr (дата обращения: 20.10.2025).

¹⁴ Gramsci A. Selections From the Prison Notebooks of Antonio Gramsci. London: ElecBook, – 1999. – P. 846.

4. Исследовать китайские проекты по академической мобильности в мире;
5. Оценить российские проекты по академической мобильности в мире;
6. Сравнить российский и китайский академический обмен.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2001 года по 2026 год. Нижняя хронологическая граница обусловлена подписанием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, который заложил правовую основу для системного сотрудничества, включая и гуманитарную сферу. Верхняя граница определяется современным состоянием отношений, что позволяет выявить актуальные тенденции и перспективы развития академического обмена.

Для решения поставленных задач была привлечена **источниковая база**, включающая нормативно-правовые и программные документы, регламентирующие двустороннее сотрудничество. В 2001 г. был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР¹⁵, который заложил основу для устойчивого сотрудничества. В 2004 г. вышла Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики¹⁶, где подчеркивался фактор по укреплению отношений в торгово-экономическом сотрудничестве. Похожие заявления были в 2019 г.¹⁷, 2024 г.¹⁸

¹⁵ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 14.03.2026).

¹⁶ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики 14 октября 2004 года // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/2053> (дата обращения: 14.03.2026).

¹⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (дата обращения: 20.03.2026).

и 2025 г.¹⁹, их смысл в укреплении сотрудничества и определении векторов совместной политики, что показывает значительный прогресс в развитии отношений между государствами. К этой же группе относятся межправительственные меморандумы. В 2012 г. был подписан меморандум о сотрудничестве в области реализации совместных научных проектов²⁰. Помимо этого, в 2013 г. была выпущена концепция внешней политики Российской Федерации, где впервые упоминается термин «мягкая сила». В последующей концепции внешней политики от 2016 г. тоже используется этот термин, а уже в 2023 г. его убирают. Однако в разделах о национальных интересах также пишется о гуманитарном сотрудничестве и укреплении русского языка на международной арене. Это можно рассматривать как целенаправленный отказ России от использования «западного» термина в своих документах. Китайская стратегия базируется на программных заявлениях руководства КНР, а также материалах специализированных ведомств.

В отдельную группу источников относятся данные структур, которые реализуют политику в сфере академической мобильности. Это информация с официальных сайтов Россотрудничества, включая данные о программе «Новое поколение»²¹, Китайского стипендиального совета (CSC), а также статистические данные о числе иностранных студентов, публикуемые Министерством науки и высшего образования РФ. Важными источниками

¹⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху в ознаменование 80-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, Победы китайского народа в Войне сопротивления японской агрессии и образования Организации Объединенных Наций // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6309> (дата обращения: 20.03.2026).

²⁰ Меморандум о взаимопонимании между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством науки и техники Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области реализации совместных проектов по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники // Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499014975> (дата обращения: 15.03.2026).

²¹ «Новое поколение» // Россотрудничество. URL: <https://rs.gov.ru/activity/novoe-pokolenie/> (дата обращения: 07.03.2026).

являются сведения о деятельности сетевых университетов ШОС²², БРИКС²³, СНГ²⁴, представленные на их официальных порталах. Стоит отметить, что сформированная источниковая база позволяет решать поставленные исследовательские задачи.

Особую группу источников составляют материалы на иностранных языках, прежде всего англоязычные программные и статистические документы, позволяющие рассматривать академический обмен в контексте западной концепции «мягкой силы»²⁵. Сравнительный анализ зарубежных программ академической мобильности опирается на официальные документы Европейского Союза. В частности, в работе используется «Erasmus+ Programme Guide»²⁶, регламентирующий условия участия в программе для стран-членов и других государств, а также содержащий данные о географии и масштабах финансирования. Это позволяет сопоставить европейскую модель академического обмена с российскими и китайскими инициативами. Данные источники обеспечивают репрезентативную базу для сопоставления подходов России, Китая и западных стран к использованию академических обменов во внешнеполитических целях.

Методологическая база исследования основывается на принципах историзма, объективности и системности. Это позволяет рассматривать академический обмен в процессе его развития и во взаимосвязи с другими элементами внешней политики. В работе применяется системный подход, который позволяет рассмотреть академический обмен как ресурса

²² Университет ШОС // Шанхайская организация сотрудничества. URL: <https://rus.sectsc.org/20231127/1179905.html> (дата обращения: 11.03.2026).

²³ Университет БРИКС // Университет БРИКС. URL: <https://брикс.рф/> (дата обращения: 11.03.2026).

²⁴ Сетевой университет Содружества Независимых Государств // Интернет–портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3063/78389/> (дата обращения: 13.03.2026).

²⁵ The history of pre-modern European universities in a nutshell // CEPR URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/history-pre-modern-european-universities-nutshell> (дата обращения: 01.12.2025).

²⁶ Erasmus+ Programme Guide // European Commission. URL: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/programme-guide/part-a/eligible-countries> (дата обращения: 05.12.2025).

внешнеполитического влияния. Сравнительный анализ используется для сопоставления стратегий России и Китая, а также для выявления различий в академической мобильности. Институциональный подход применяется для изучения роли государственных институтов и других структур в управлении программами обмена. Также используются общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, а также метод анализа документов.

Структура работы. Дипломная работа состоит из введения, двух глав, в первой главе три параграфа, а во второй главе три параграфа, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ. В параграфе 1.1. «Концепция «мягкой силы»» анализируется эволюция теоретических подходов к феномену «мягкой силы» в контексте неолиберальной парадигмы международных отношений. Подчёркивается, что Джозеф Най, разрабатывая данную концепцию в работах «Bound to Lead» (1990) и «Soft Power» (2004), противопоставил привлекательность культуры, политических ценностей и внешней политики традиционным инструментам военного и экономического принуждения. Особое внимание уделяется сопоставлению идей Дж. Ная с теорией культурной гегемонии А. Грамши, что позволяет раскрыть внутренний механизм формирования долгосрочного влияния государства через добровольное принятие его ценностей за рубежом. В параграфе показано, что, несмотря на критику концепции за субъективность измерений и новизну термина, «мягкая сила» стала важнейшим инструментом объяснения возрастающей роли нематериальных факторов в мировой политике. Отмечается, что академический обмен в этом контексте рассматривается как один из наиболее эффективных каналов публичной дипломатии, обеспечивающий прямую трансляцию культурных ресурсов и формирование позитивного имиджа государства в долгосрочной перспективе.

В параграфе 1.2. «Теоретические основы академического обмена» рассматривается академическая мобильность как многогранный процесс, выходящий за рамки традиционного понимания национальных систем

образования. Отмечается, что в условиях глобализации академический обмен превращается в стратегический инструмент внешней политики, направленный на повышение качества образования через обмен педагогическими методиками, подготовку высококвалифицированных кадров с международным опытом и укрепление конкурентоспособности университетов. Особое внимание уделяется анализу западной модели академической мобильности, которая, несмотря на декларируемую взаимовыгодность, фактически транслирует «мягкую силу» развитых стран. В качестве альтернативы в параграфе рассматривается формирование евразийского вектора мобильности на примере Университета Шанхайской организации сотрудничества (УШОС), который призван укрепить региональное сотрудничество в обход западных институтов. Кроме того, анализируются социально-культурные и экономические аспекты академического обмена: развитие человеческого капитала, создание устойчивых профессиональных сетей выпускников и риск межкультурных конфликтов. Подчеркивается, что эффективность академической мобильности зависит от грамотного стратегического планирования, преодоления бюрократических и языковых барьеров, а также от способности государства предложить привлекательные условия для обучения и научной работы.

В параграфе 1.3. «Исторические примеры использования академического обмена» прослеживается эволюция академической мобильности как инструмента культурного и политического влияния от античности до современности. Отмечается, что уже в Древней Греции философские школы (Академия Платона, Лицей Аристотеля, Сад Эпикура) выступали прообразом современных университетов, привлекая учеников из разных регионов и формируя вокруг себя единое интеллектуальное пространство. В качестве примера рассматривается воспитание Александра Македонского Аристотелем, что иллюстрирует использование образования для подготовки будущих правителей. В средневековый период академическая мобильность способствовала распространению религиозных доктрин:

ключевыми центрами стали Париж и Болонья, а в эпоху Реформации университеты разделились на католический и протестантский блоки, где мобильность преподавателей и студентов служила инструментом межконфессиональной борьбы. Особое внимание уделяется опыту России, где ещё при Петре I академические обмены носили централизованный государственный характер и были направлены на подготовку национальных кадров за рубежом.

В современном западном мире ключевым символом институционализации мобильности стала программа «Эразмус+», которая через систему грантов и взаимное признание дипломов превратилась в мощный канал трансляции европейских ценностей. В параграфе подчёркивается, что исторический анализ демонстрирует качественную трансформацию академического обмена: от элитарных практик античности до массовых программ современности, что позволяет государствам формировать лояльность у широких слоёв профессионального сообщества и закреплять за собой статус нормативного образца в образовательной сфере.

В параграфе 2.1. «Китайские проекты по академической мобильности в мире» анализируется эволюция образовательной политики КНР от ликвидации безграмотности в середине XX века до создания централизованной и хорошо финансируемой системы академической мобильности, служащей ключевым инструментом внешней и внутренней политики. Отмечается, что интернационализация китайских университетов изначально была нацелена на интеграцию в мировые академические процессы и достижение высоких стандартов качества, однако со временем акцент сместился на экспорт китайского культурного и интеллектуального влияния через обучение иностранцев в самом Китае. Особое внимание уделяется глобальной сети Институтов Конфуция, первый из которых был открыт в Сеуле в 2004 году, а также деятельности Китайского стипендиального совета (CSC), обеспечивающего финансовую поддержку как исходящей, так и входящей мобильности. В параграфе раскрывается дуалистичный характер

китайского подхода, сочетающего адаптированную к национальным задачам концепцию «мягкой силы культуры» (文化软实力), которая противопоставляется западной модели как инструменту идеологического доминирования. Анализируется трансформация внешнеполитического курса после прихода к власти Си Цзиньпина, выразившаяся в интеграции культурного компонента в концепции «четырёх уверенностей» и «двойной циркуляции», что ознаменовало частичный перенос акцентов с внешней экспансии на внутреннюю консолидацию. В качестве примера успешной инициативы рассматривается программа «20+20», направленная на партнёрство китайских и африканских университетов.

В параграфе 2.2. «Российские проекты по академической мобильности в мире» анализируется эволюция российской модели академического обмена в постсоветский период. Отмечается, что в 1990-е годы, в условиях экономического коллапса и смены идеологических ориентиров, страна утратила советскую инфраструктуру продвижения образования за рубежом, что привело к резкому ослаблению культурного влияния. Восстановление позиций началось в 2000-е годы с созданием специализированных институтов, в частности Федерального агентства «Россотрудничество» (2008 г.), которое сегодня объединяет 87 загранпредставительств в 71 стране мира под брендом «Русский дом». Особое внимание уделяется анализу концепции «мягкой силы» в российских внешнеполитических документах: если в концепциях 2013 и 2016 гг. этот термин активно использовался, то в концепции 2023 г. он был заменён парадигмой «культурного суверенитета» и «гуманитарного сотрудничества», что обусловлено восприятием западной «мягкой силы» как инструмента вмешательства во внутренние дела. В параграфе рассматриваются ключевые проекты академической мобильности, включая программу краткосрочных ознакомительных поездок «Новое поколение» для молодых лидеров из-за рубежа, правительственную квоту на обучение иностранных граждан,

стипендию имени Л.А. Вербицкой, а также проект «Российский учитель за рубежом». Анализируется деятельность сетевых университетов в рамках ШОС, БРИКС и СНГ, которые рассматриваются как инструмент «мягкой институционализации» и формирования единого академического пространства на постсоветской территории. Отмечается, что после 2022 года произошла кардинальная переориентация академических потоков: в связи с рекомендацией приостановить участие в программе «Эразмус+» Россия перенаправила свои образовательные связи на страны Глобального Юга и Востока, прежде всего на Китай.

В параграфе 2.3. «Российско-китайский академический обмен» анализируется современное состояние и перспективы двустороннего сотрудничества в образовательной сфере в контексте стратегического партнёрства РФ и КНР. Отмечается, что в отличие от западного подхода, где «мягкая сила» служит проводником либеральных ценностей, российско-китайская модель преследует прагматичные цели, направленные на обоюдное усиление и формирование «сетей доверия» через гуманитарное сотрудничество. Подчёркивается ключевая роль Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2001 г.), а также совместных деклараций 2004, 2019, 2024 и 2025 гг., которые заложили правовую основу для системного взаимодействия. Особое внимание уделяется деятельности Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, созданной в 2000 году, благодаря которой были проведены перекрёстные Годы России и Китая, Годы русского и китайского языков, а также запущены первые программы «двойных дипломов». В параграфе рассматриваются ключевые институциональные форматы сотрудничества: Ассоциация технических университетов России и Китая (АТУРК), объединяющая более 40 вузов, Российско-Китайский университет в Шэньчжэне, Совет по сотрудничеству регионов «Волга – Янцзы» с ежегодным молодёжным форумом. Наряду с позитивными тенденциями в параграфе выделяются и существующие проблемы: российское образование выбирает лишь меньшая часть китайских

абитуриентов (приоритет по-прежнему отдаётся западным вузам); русский язык уступает английскому по числу изучающих; существует риск «утечки мозгов» из России в Китай. Но, несмотря на различия в степени централизации и ресурсного обеспечения, российско-китайский академический обмен представляет собой устойчивую модель, сочетающую государственное управление с локальной вузовской инициативой, что позволяет обеим странам противостоять внешним вызовам и укреплять технологический суверенитет.

В **заключении** подводятся итоги проведённого исследования и формулируются основные выводы. Отмечается, что академический обмен в современном мире превратился из вспомогательного элемента внешнеполитической деятельности в один из ключевых ресурсов долгосрочного влияния, действующий через созидание и формирование ценностных ориентиров у зарубежной молодёжи, в отличие от традиционных инструментов военного принуждения. Подчёркивается, что сопоставление концепций Дж. Ная и А. Грамши позволяет придать теории «мягкой силы» дополнительную глубину: если Най акцентирует добровольность и кооперацию в межгосударственной политике, то Грамши указывает на необходимость выстраивания прочного «культурного ядра» внутри страны как основы для внешней привлекательности. Именно в этом заключается ключевое различие подходов Москвы и Пекина от западного: вместо экспорта либеральных ценностей Россия и Китай делают ставку на собственный культурный код и национальную идентичность собственных стран при уважении стран-партнёров, невмешательстве в их внутренние дела.

Анализ показывает, что Китай создал централизованную, хорошо финансируемую и гибкую систему академической мобильности, которая позволяет не только продвигать китайский язык и культуру через глобальную сеть Институтов Конфуция, но и при необходимости смещать акценты на внутреннюю консолидацию в рамках концепций «четырёх уверенностей» и «двойной циркуляции». Российская модель, в свою очередь, прошла путь от постигшего её в 1990-е годы кризиса до планомерного восстановления в 2000-

е годы и вынужденного разворота на Восток и Глобальный Юг после 2022 года. Отказ от термина «мягкая сила» в официальных документах в пользу парадигмы «культурного суверенитета» и «гуманитарного сотрудничества» отражает стремление России дистанцироваться от западной теоретической базы, воспринимаемой как инструмент подрывной деятельности, при сохранении академической мобильности в качестве одного из главных каналов внешнеполитического влияния.

Российско-китайский академический обмен в начале XXI века приобрёл стратегический характер. Созданная договорно-правовая база, деятельность Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, запуск программ «двойных дипломов», а также функционирование отраслевых ассоциаций вузов и сетевых университетов (ШОС, БРИКС, СНГ) свидетельствуют о высоком уровне институционализации двустороннего сотрудничества. Статистические данные (более 44 тысяч китайских студентов в РФ и свыше 12 тысяч российских студентов в КНР по состоянию на 2023 год) подтверждают растущую интенсивность обменов.

Вместе с тем в заключении выделяются сохраняющиеся проблемы: приоритет западных вузов в глазах большинства китайских абитуриентов, доминирование английского языка как языка международного общения, а также риск «утечки мозгов» из России. Перспективы дальнейших исследований связываются с необходимостью сравнительного анализа ценностных ориентиров европейских (например, «Эразмус+») и евразийских (ШОС, БРИКС) программ академической мобильности, а также с прогнозированием того, как гонка за технологический суверенитет повлияет на само понятие «мягкой силы» в условиях формирования многополярного миропорядка. В целом, подчёркивается, что российско-китайский академический обмен является не просто вспомогательным инструментом, а важнейшей составляющей стратегического партнёрства, позволяющей странам формировать взаимное доверие, преодолевать негативные стереотипы и совместно противостоять внешним вызовам.